

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

В первый раз я встретил Константина Сергеевича в декабре 1884 года, 56 лет тому назад. Наша встреча произошла в семье Корзинкиных на домашнем спектакле. Шла гоголевская «Женитьба», где он выступал в роли Подколесина. Режиссировала спектакль артистка Малого театра Решимов.

В этом далеком прошлом вспоминается мне высокий, стройный молодой человек с лобовыми усами и с непокорным холмом волос над высоким лбом, малоподвижный в обществе и малоразговорчивый при обычных будничных беседах. Но как только речь заходила об искусстве, о театре и в особенности об артистах, он сразу оживлялся и говорил с увлечением, с видимой радостью.

Помню его в той же семье Корзинкиных сидящим на тахте и восторженно говорящим о Ермоловой.

Вспоминается и курьезный случай: однажды мы почевали в семье Корзинкиных на их даче в Одишове и на утро целой компанией поехали в Звенигород любоваться видами, о которых так много все говорили. При осмотре монастыря, по предложению Константина Сергеевича, решили взобраться на колокольню, чтобы с высоты посмотреть на окрестные дали. Тут и произошло нечто, заставившее нас поскорее сойти вниз: Константин Сергеевич зашутался в веревках, зацепил головой кающую петлю, и колокол зазвонил в неурочное время...

Музей МХАТ был открыт в 1923 году. Открытие его было приурочено к приезду из Америки наших крупнейших артистов, загостивших там два года.

Константин Сергеевич торжественно открыл музей, разрезав шелковую ленту, приколотив к входной двери.

Внимательно останавливался он и рассматривал каждый предмет, задавал вопросы, давал указания, делал поправки. Память у него была изумительная. Так, перед маленьким сизовским макетом первой постановки «Ревизора», он остановился и сказал: «Вот здесь не хватает стола. Поглядите — вот и четыре точки со следами клея от его ножек. Надо восстановить этот стол. Попросите Симова». И по другим макетам, особенно по «Снегурочке», он делал замечания и просил обратиться к художнику Симвову, чтобы тот восполнил недостающее.

Над визитной карточкой В. И. Немировича-Данченко с приглашением его в «Станиславский Бюро» на свидание, решившее судьбу Художественного театра, Константин Сергеевич особенно задержался. «Как хорошо, что эта историческая записка у вас в Музее. Берегите ее: она — начало всех начал. Я рад, что она у вас, что она цела и невредима, как четверть века тому назад».

Как относился Константин Сергеевич к Музею, видно из его писем ко мне и в адрес Музея, в которых неоднократно го-

ворилось, что Музей есть «важное для нашего искусства дело», что он «будет способствовать передаче будущему поколению нашего опыта и разрабатываемых нами основ нашего творчества». И что он, Константин Сергеевич, искренно желает, чтобы в новом более обширном помещении наш Музей стал еще более содержательным.

Вскоре после исполнившегося 10-летия существования Музея Константин Сергеевич пригласил меня к себе на квартиру и попросил сделать ему подробный доклад по истории Музея. Я, конечно, с удовольствием это выполнил. Не желая его утомлять, я несколько раз порывался подняться, чтобы уйти, но Константин Сергеевич всякий раз меня усаживал на место, задавая мне все новые и новые вопросы. Он интересовался буквально всем, что касалось Музея, и в частности неоднократно спрашивал, не обижают ли нас, музейных работников, в театре.

Я был близко знаком со знаменитой артисткой Малого театра Г. Н. Федотовой и нередко навещал ее. Однажды я застал ее плачущей: у нее только что был упрямом, который заявил, что она будет на днях выселена из ее двух комнат куда-то на окраину города. Я обещал ей завтра же сообщить об этом Константину Сергеевичу, любимому ее ученику, как она его называла. На утро, в театре, я рассказал ему о Федотовой. Константин Сергеевич вспыхнул. Я никогда не видал его таким взволнованным.

— Как!? — почти воскликнул он, ударив рукой по столу. — Выселять Федотову!? Выселять Гликерию Николаевну!? Да я всю Москву подниму! Посейдите, пожалуйста, сейчас же к Гликерии Николаевне и скажите ей, что мы не допустим этого безобразия упрямца!

Г. Н. Федотова никогда из своей квартиры выселена не была.

В Музее МХАТ хранится серебряный венок, поднесенный в 1884 году, в день 50-летнего юбилея, артисту Самарину Обществом драматических писателей. Этот венок растроганный Самарин возложил на голову своей любимой ученицы Г. Н. Федотовой, а та, в свою очередь, через много лет передала венок К. С. Станиславскому, которого всегда считала своим любимым учеником. Таким образом, с этим венком связаны три крупных театральных имени: Самарин — Федотова — Станиславский. Жаль, что Константин Сергеевич не успел передать этот исторический венок одному из достойнейших своих учеников для дальнейшей передачи его из поколения в поколение.

Н. ТЕЛЕШЕВ.

Константин Сергеевич и Мария Петровна с дочерью Кирой Константиновной и внучкой Кириллой (1937 г.)

Отрывки воспоминаний

...Немчиновка, Пушкинское, Секретаревка, Охотничий клуб... Вероятно, многие, даже старые, москвичи позабыли о них. В этих театральных помещениях происходили когда-то спектакли Общества любителей искусства и литературы, которыми руководил Константин Сергеевич.

1891 год. Мне было тогда 15 лет. Работал я мальчиком в буфете и постоянно обслуживал спектакли, в которых принимал участие Алексеевский кружок.

Часто встречаясь с Константином Сергеевичем, я очень привыкал к нему. Помню случай, относящийся к этому периоду: позвал меня как-то Константин Сергеевич во время репетиции и попросил купить в магазине на Воздвиженке два десятка устриц и лимон. Поручение его я выполнил.

— Ну, а теперь возьми блюдо, нарежь лимон и принеси устрицы.

Когда я сказал Константину Сергеевичу, что не знаю, как распечатать их, так как до этого дня никогда не видел устриц, Константин Сергеевич объяснил мне, как это нужно сделать. Распечатав по указанному им способу устрицы, я увидел внутри червяков — и выбросил их. Константин Сергеевич очень смеялся над тем, что я устрицы принял за червяков.

Шли годы. Я продолжал попрежнему очень часто встречаться с Константином Сергеевичем. Моя привязанность к нему сильно выросла, я полюбил этого человека, он стал для меня родным. Я чувствовал поистинно потребность в оказании ему хотя бы самой незначительной услуги.

1917 год. Зима. На улице очень скользко. Боясь, как бы Константин Сергеевич по дороге домой не поскользнулся и не упал, я незаметно для него пошел сзади. Константин Сергеевич обернулся и увидел меня.

— Вы что? — спросил он меня. — Я вас возьму под руку, Константин Сергеевич, а то как бы вы не упали. — Мое предложение вызвало у него очень добрую улыбку.

— А вы сами-то не упадете? — спросил он меня шутливо.

На углу Дмитриевки мы встретили знакомого извозчика, которого я и попросил довезти Константина Сергеевича домой в Каретный ряд.

1918 год. С питанием дело обстоит скверно. Мне пришла мысль заняться организацией столовой для артистов нашего театра. За разрешением я пришел к Константину Сергеевичу. Он был очень тронут моим предложением, обнял меня и крепко расцеловал. Ботмыги и шапки актеров очень скромно, но старался удовлетворить всех по мере сил и возможностей.

В 1930 или 1931 году как-то в буфете театра я встретил Константина Сергеевича, сидевшего в кругу артистов. Он подождал меня:

— Займитесь вы Степановой, — сказал он мне, — чтобы она была попойкой, как в театре!

Меня очень тронула такая забота Константина Сергеевича о товарище.

Часто я видел Константина Сергеевича в домашней обстановке, так как постоянно обслуживал его во все знаменательные дни его жизни.

Когда справлялось его 50-летие, среди присутствующих помню Шалыгина, Плевницкую, Гельцер и очень много других.

Помню празднование его 75-летия. В этот день в доме Константина Сергеевича я был с 10 часов утра до 9 часов вечера. Константин Сергеевич не вставал с постели, но каждый из гостей подходил к нему с бокалом шампанского. Мимо его постели прошло не менее 300 человек.

В памяти воскресают все 47 лет, в продолжение которых я часто видел и наблюдал Константина Сергеевича. Я любился этим прекрасным и великим человеком и его письма ко мне — добрые и ласковые — я берегу, как очень близкое и дорогое.

А. ПРОКОФЬЕВ.

Вечер, посвященный К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ, переносится с 19 января на 7 февраля.

Программа вечера, посвященного К. С. Станиславскому

- Первое отделение: 1. Вступительное слово — В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО. 2. Бессмертие К. С. Станиславского — Н. Д. ВОЛКОВ. 3. Отрывки из главы «Этика актера» — И. М. МОСКВИН.
- Второе отделение: 1. Воспоминания — О. Л. КНИПЕР-ЧЕХОВА. 2. Воспоминания — от работников тех. цехов — И. Я. ГРЕМИСЛАВСКИЙ. 3. Воспоминания — Н. Е. АНТАРОВА. 4. Воспоминания — П. И. РУМЯНЦЕВ. 5. Воспоминания — О. И. ПЫЖОВА. 6. Воспоминания — В. И. КАЧАЛОВ.
- Третье отделение: 1. Сюита из «Синей птицы» — исп. оркестр МХАТ. 2. Письмо С. Рахманинова К. С. Станиславскому в день 10-летия МХАТ — исп. А. ПИРОГОВ. 3. Сюита из «Жизни в лапах» — исп. оркестр МХАТ. 4. Кино-хроника о К. С. Станиславском — Вечер ведет В. О. ТОПОРКОВ.

Начало в 8 час. вечера.

Ответственный редактор А. С. ФРОЛОВА.

ПОДГОТОВКА К ЛЕНИНСКИМ ДНЯМ

В ленинские дни будет проведено общее собрание коллектива театра, на котором будет заслушан доклад «16 лет без Ильича».

К ленинским дням в читальном зале театра открывается выставка, посвященная жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина.

16/1 состоялся для партантива доклад представителя Военно-Политического училища имени Ленина на тему «16 лет без Ленина под руководством Сталина по Ленинскому пути».

Партбюро театра утверждены 14 агитаторов-беседчиков для проведения бесед и чтен в цехах театра о жизни Владимира Ильича Ленина.

В доме по Георгиевскому пер., 16/1 (бывший избирательный участок), в ленинские дни также будут проведены читки и беседы о Ленине.

Местным комитетом театра предложена организация специальных экскурсий в Музей В. И. Ленина и в музей Революции.

Новые книги

В ближайшие дни выйдут в Издательстве «Искусство» книжка К. С. Станиславского с комментариями Е. Н. Семяновской «Художественные записки 1877—1892 гг.»

В 1940 году ВТО будет издан большой сборник под редакцией Л. Я. Гуревич «Воспоминания о К. С. Станиславском и новые материалы для его биографии». Содержание сборника:

- 3. С. Соколова. — Детские годы К. С. Станиславского. Из записок его сестры.
- А. С. Штегер. — Из семейной хроники Алексеевых. Записки его сестры.
- В. С. Алексеев. — Отрочество и юность К. С. Станиславского. Из записок его брата (1895—1906 гг.).
- М. Ф. Андреева. — К. С. Станиславский в Обществе искусства и литературы и в Художественном театре.
- П. А. Стефановский. — К. С. Станиславский в работе с художником В. А. Симвовым (1897—1932).
- Н. Н. Вашневич. — Из школы Малого театра на сцену Художественного (1901).
- В. П. Веригина. — К. С. Станиславский на репетициях МХАТ и в студии на Поварской (1902—1909).
- С. А. Попов. — Студия на Поварской (1905 г.).
- О. Л. Книппер-Чехова. — Из воспоминаний (1909).
- О. И. Сулержицкая. — К. С. Станиславский и Леоп. Ант. Сулержицкий.
- Б. М. Сушневич. — К. С. Станиславский на репетициях МХАТ (1908—1913).
- С. В. Гиацинтова. — К. С. Станиславский в Первой студии (1913—1918).
- С. Г. Бирман. — Что он дал нам в МХТ и Первой студии.

М. П. Липина. — Из жизни К. С. в театре.

Л. М. Леонидов. — Из воспоминаний и мыслей о великом художнике.

Л. Я. Гуревич. — За 34 года. Из воспоминаний, писем, наблюдений.

Н. Н. Литовцева. — К. С. Станиславский — режиссер в первые и последние годы МХТ.

Б. Э. Хайкин. — Семь лет работы с К. С. Станиславским в Оперном театре.

Ю. А. Бахрушин. — К. С. Станиславский, как администратор и художественный руководитель оперного театра.

Г. В. Кристи. — К. С. Станиславский — воспитатель театральных кадров.

Н. А. Смирнова. — На берегу океана.

Б. Н. Гладков. — К. С. Станиславский на репетициях.

Л. Д. Духовская. — Подле К. С. Станиславского в последние годы его жизни. Записки его медсестры.

Е. Н. Семяновская. — Перед выходом книги.

А. А. Шелагуров, доктор. — Борьба с болезнью и смертью.

Заседание комиссии по организации вечера, посвященного К. С. Станиславскому.

РАЗГОВОР ПО ТЕЛЕФОНУ

Зимой 1933 года, поздно вечером, сидя у себя дома, я поджидал старого товарища. Зазвонил телефон, я взяла трубку.

— Кто говорит?

— Это квартира Топоркова?

— Да.

— Кто у телефона? Василий Осипович?

— Да.

— Говорит Константин Сергеевич Станиславский.

В полной уверенности, что меня «разыгрывает» один из моих приятелей, я продолжал в флиртовском тоне:

— Ну, что же тебе, старик, надо? Завтра день твоего рождения. Придем, придем, готовь угощение.

— Послушайте, кто это говорит — Топорков?

— Да, Топорков.

— С вами говорит Константин Сергеевич Станиславский — гм... гм... Алексеев.

— Ну, ладно, ладно, будет, что тебе нужно?

— Я поздравляю Вас с присвоением вам звания заслуженного артиста.

— Откуда же ты это знаешь?!

— Мне сообщили из ЦИК, а завтра это будет опубликовано.

— Ну, ладно, ладно, будет тебе, — ответил я.

— Слушайте, — продолжал несколько раздраженный голос, — с вами говорит... гм... народный артист Станиславский. Вы

сомневаетесь?... Ну, тогда... Могу прочитать кусок из вашей роли (в то время мы только закончили работу над «Мертвыми душами», которые ставил Константин Сергеевич).

Я услышал опечаленные, а затем совершенно отчетливо голос Константина Сергеевича.

— Я буквально обомлел. Куда девалась «легкость тона»? Я начал бормотать что-то несвязное и бесконечно извиняться перед Константином Сергеевичем за допущенный характер разговора. Я никак не мог себе представить, чтобы Константин Сергеевич мне позвонил ночью и что мне действительно присвоено звание заслуженного артиста.

После этого разговора я очень долго не мог успокоиться, бесконечно ругая себя за свою опрометчивость.

На утро мне стыдно было появиться в театре. Мне казалось, что о моем разговоре с Константином Сергеевичем уже знают все товарищи.

Каково же было мое удивление, когда в театре ко мне подошел Н. В. Блоров и начал такой разговор: «Сегодня Константину Сергеевичу 70 лет. Вы будете у него?» Я ответил, что о дне 70-летия Константина Сергеевича я знаю, но к нему не собираюсь.

— Напрасно, — ответил он, — Константин Сергеевич хотел бы вас видеть. Он просил вас быть у него к семи часам.

От этого приглашения я еще больше смутился, не представляя себе, как я войду в дом Константина Сергеевича и как посмотрю на него после вчерашнего разговора по телефону.

Позже мне стало известно, что Константин Сергеевич не менее меня был смущен характером моего разговора, но, веря, что я действительно не знал, кто со мной говорит, он решил не только не осложнять создавшейся ситуации, но, наоборот, всячески меня успокоить, превратив все эту в шутку. Меня он пригласил к семи часам; гости же съехались раньше. Сделал он это сознательно, чтобы успеть рассказать собравшимся у него товарищам о моем разговоре с ним. Он уговорил всех встретить меня весело, непринужденно, чтобы я ни в какой мере не чувствовал себя сконфузленным. Так оно и было.

Когда я явился к Константину Сергеевичу, меня встретил очень шумно и дружески, а сам Константин Сергеевич приветливо протянул мне руку. По его добрым глазам я понял, что он не придает никакого значения вчерашнему разговору и что он всячески хочет убедить и меня забыть о нем.

Этот разговор по телефону с Константином Сергеевичем буду еще долго помнить.

В. ТОПОРКОВ.